

ПОВЕСТЬ АЙТМАТОВА «БЕЛЫЙ ПАРОХОД» И ЕЕ МЕСТО В ЖАНРОВОЙ СИСТЕМЕ ПОВЕСТЕЙ СОВЕТСКОЙ МНОГОНАЦИОНАЛЬНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ 70-Х ГОДОВ

В статье решается одна из актуальных проблем современного литературоведения – эволюция жанра повести. «Белый пароход» Ч.Айтматова рассматривается как образец новой формы повести, синтезирующей в себе содержательность большой и средней этики.

“Совсем еще недавно, - пишет В.Левченко, - критики мечтали ... о жанре “синтетическом” универсальном, всеобъемлющем ... Айтматовская повесть “Белый пароход” дает возможность проследить воочию условия возникновения универсального, так называемого “синтетического жанра”, его достоинства и возможности-границы” [1]. В.Левченко пробует прочитать повесть «Белый пароход» как исповедь, находя в ней элементы биографии писателя. Критик В.Коркин считает, что жанр произведения определен его конфликтом. «Конфликт Айтматова – конфликт оптимистической трагедии. Такова природа его. И судить его, соответственно, надо по законам жанра, избранного и доказанного самим художником, а не тем, который был бы удобен для нас» [2].

М.Миокин, К.Асаналиев, А.Панков, Г.Гачев и другие исследователи творчества Чингиза Айтматова стремятся разгадать загадку «синтетического жанра, но до сих пор нет однозначного ответа на вопрос, какова жанровая природа повести «Белый пароход» [3]?

Для более точного определения жанра следует, на наш взгляд, обратиться к заглавию и подзаголовку повести. В журнальном варианте повесть имела название «Белый пароход. (После сказки)», а в книге Чингиз Айтматов называет «После сказки. (Белый пароход)». Данную перестановку автор объясняет тем, что А.Твардовский нашел название «После сказки» «слишком обыденным и традиционным и предложил свое – «Белый пароход». А мне больше нравится мое название – о н о т о ч н е е» [4] (Разрядка моя. – З.П.). Следовательно, название «После сказки. (Белый пароход)» по мнению автора точнее выражает основную идею произведения, определяет ее конфликт. И если искать какой-то подтекст в названии произведения, то можно, прежде всего, отметить, что «Белый пароход» появляется после сказки о Рогатой матери-оленихе. Если бы не было первой сказки, не родилась бы вторая, в реальность которой поверил Мальчик, может быть, не произошла бы трагедия, потому что герой в своем сознании не разграничивает сказку и действительность. Повесть начинается со своеобразного зачина: «у него было две сказки. Одна своя, о которой никто не знал. Другая та, которую рассказывал дед. Потом не осталось ни одной. Об этом речь» [5]. Уже зачин произведения предполагает наличие двух планов повествования: сказочная условность и реальность. Оба плана на первый взгляд построены по законам жанра сказки: зачин, конфликт добра и зла, резкое размежевание героев на хороших и плохих; один раз и в сказке, и в реальной жизни герои (старички-бугинцы, дед Момун) восстают против своих властелинов, как происходит это,

например, в русской народной сказке «Морозко». Данные два пласта повествования объединяются сказкой о Рогатой матери-оленихе. «Самая любимая моя сказка про Рогатую мать-олениху. Дед говорит, что каждый, кто живет на Иссык-Куле, должен знать эту сказку. А не знать – грех ... Дед говорит, что все это правда, что так было когда-то. Что все мы – дети Рогатой матери-оленихи». В сказку вложена мысль о родовой памяти в жизни человека, о совести, о предостережении от необдуманных поступков.

Сказка о Рогатой матери-оленихе построена как противоборство добра и зла. Зло представлено в образах полчищ врагов и Рябой Хромой Старухи, выполняющей их волю; добро – в образе Матери-оленихи.

Рябая Хромая Старуха должна уничтожить «недобитое вражеское семя», но явилась спасительница народа – матка маралья. – «Обожди, большая мудрая женщина, не губи безвинных детей. Обернулась Рябая Хромая Старуха, глянула, диву далась, стоит перед ней олениха, матка маралья. Да такие глаза у нее большие, смотрят с укором и грустью».

Мать-олениха уводит детей с Энесая к берегам Иссык-Куля, становясь их великим покровителем. Несмотря на предостережение Рябой Хромой старухи «ох не скажи, мать-олениха, не знаешь ты людей! Не то что лесных зверей, они и друг друга не жалеют. Отдала бы я тебе сироток, чтобы ты сама узнала, что правдивы мои слова, но ведь и этих детей убьют у тебя. Зачем тебе столько горя?» Чтили вначале мать-олениху бугинцы как святыню. Не было смелее и дружнее их, не было счастливее их на земле. Но начинает сбываться пророчество Рябой Хромой Старухи. Сначала люди стали убивать маралов, потом поселилась вражда и злоба среди бугинцев. Подтверждение этому – три затерявшихся на кордоне дома, три семьи, по существу не связанные не только родственными, но и человеческими отношениями.

Несчастье поселилось в семье деда Момуна (старуха умерла, дочерей обделила судьба, внук не знает ни отца, ни матери), зло царит в душе Орозкула, проклятье витает над его очагом (жена бесплодна). И даже инфантильный Сейдахмат станет заключительным аккордом, завершившим трагедию на кордоне. Так, в сказку, воспринятую Мальчиком, как нравственно-религиозное завещание, вторгается реальная жизнь, порождая его одиночество. Мальчик еще не в состоянии отделить сказку от были, не может воспринять полуправду взрослых. Его друзьями становятся не люди, а бинокль и портфель. Как в сказке оживают камни: «лежавший верблюд», «вредные» или «добрые» камни и даже «хитрые» и «глупые». Окружающий мир природы дарит ему «смелые», «любимые», «злые» растения. В природе царит чистота и гармония, а в реальном мире – Орозкул, корыстолюбивый, бездушный, забывший о почтительном отношении к старшим. И Мальчик противопоставляет мир Орозкула (зло) и мир «хорошего» Момуна (добро). Орозкул разрушает то, что создавалось веками природой и людьми. Мир разделен им на полезные и бесполезные вещи и людей. Чувствует он себя хозяином природы, бьет свою жену, оскорбляет деда Момуна, получая от этого наслаждение, утверждаясь в своем могуществе и силе. Как далека сказка Мальчика от сказки Орозкула: «Настоящие учителя в городе. Школы из стекла. Учителя в галстуках. Но то в городе ... Начальство там какое и ездит по улицам. А какие машины. Так и хочется остановиться и замереть,

вытянуться, пока она проскользит, машина эта черная, блестящая, плавная. А они, городские люди, будто не замечают этих машин, некогда – спешат, бегут куда-то. Вот там, в городе, жизнь так жизнь! Туда бы двинуться, там бы где пристроиться. Там умеют уважать человека по должности. Раз положено – значит, обязан уважать. Большая должность – больше уважения. Культурные люди ... Да-а, в город бы ... ох, послал бы ко всем чертям и горы эти, и леса эти, и бревна эти, трижды проклятые, и жену эту пустобрюхую, и старика этого безмозглого с пащенком этим, с которым он возится, как с невидалью какой. Эх, выиграл бы я, как сытый конь на овсе! Заставил бы себя уважать. «Орозкул Бажанович, разрешите войти к вам в кабинет». А там и женился бы на городской. А почему бы и нет? Скажем, на артистке какой-нибудь, красавице, что поет и пританцовывает с микрофоном в руке; говорят, для них главное, чтобы человек при должности состоял. Взял бы такую под ручку, а сам при галстукке. И – в кино. А она каблучками стучит и духами пахнет. Прохожие носом тянут. Смотришь, - и дети народились бы. Сына на юриста выучил бы, а дочку, чтобы на рояле играла...».

Момун говорит о любви к ближнему, учит честности и великодушию, Мальчик видит вокруг мошенничество. Момун проповедует братство между людьми, взаимоуважение, а сам превращается в мальчика на побегушках у Орозкула, его старухи, безропотно сносит унижения и оскорбления. Мальчик любит деда, жалеет его, но защитить его от оскорблений еще не может. Это рождает сказку о сильном, добром и справедливом отце, плавающем на белом пароходе. Мальчик «мечтает превратиться в рыбу, так, чтобы все у него было рыбье – тело, хвост, плавники, чешуя, - и только голова у него осталась бы своя, на тонкой шее, большая, круглая, с оттопыренными ушами ...» Мальчику надо стать рыбой для того, чтобы догнать пароход и встретить отца.

« – Здравствуй, белый пароход, это я! – скажет он пароходу. – Это я всегда смотрел на тебя в бинокль.

- Здравствуй, папа, я твой сын. Я к тебе.

- Какой же ты сын? Ты же полурыва, получеловек.

-А ты возьми меня к себе на пароход, и я стану твоим обыкновенным сыном.»

Мальчик мечтает уплыть в мир правды, защищать слабых, оберегать таких, как Момун. Ведь Момун бессилен перед злом, искренне уверовав, что люди – братья, что ведут свое начало от Рогатой матери-оленихи. И эту веру с убеждением внушал внуку. И только один раз Момун бунтует против Орозкула, вспоминая тоскующие глаза внука, видя в них боль и обиду, не только за поздний приезд деда, но и за обманутую веру, за мир, страшный в своей быстыдной наготе. Спасение этого мира и дед, и внук увидели в возвращении маралов, которые, вопреки клятве Рогатой матери-оленихи, приходят к людям. « - Маралы! Маралы! – вне себя от испуга и радости вскричал дед Момун. И замолк, будто не веря своим глазам. И вдруг в горах стало тихо. Галки разом улетели. Бревно задержалось на скате, подмяв под себя молодые крепкие березки. Лошадь; путаясь в сбруе, сама встала на ноги.

Орозкул, весь оборванный, отползал в сторону. Момун бросился на выручку к зятю.

-О пресвятая мать, Рогатая олениха! Это она спасла нас! Ты видел!? Это дети Рогатой матери-оленихи. Вернулась наша мать! Ты видел»

Наступает временная гармония между человеком и природой. Впервые старик почувствовал себя счастливым, рассказывая весть о возвращении маралов Мальчику. Разговором о Рогатой матери-оленихе он отгораживается от реальной жизни, от гнева и наказания Орозкула, уводит внука вновь в придуманный мир, хотя начинает понимать, что зашел уже слишком далеко.

«А мальчику было хорошо ... Как, неужели, вернулись маралы? Значит все ЭТО ПРАВДА! Дед говорит, что простила Рогатая мать-олениха людские преступления против нее, разрешила детям своим вернуться в Иссык-Кульские горы. Дед говорил, что сейчас пришли три марала, чтобы разузнать, как тут, и если им понравится, то все маралы снова вернутся на родину.

- Ата, - прервал деда мальчик. – А может быть, прищла сама Рогатая мать-олениха? Может быть, она хочет посмотреть, как тут у нас, а потом позвать своих детей, а?

- Может быть, - неуверенно промолвил Момун. Он запнулся. Старик почувствовал себя неловко: НЕ СИЛЬНО ЛИ ОН УВЛЕКСЯ, НЕ СЛИШКОМ ЛИ МАЛЬЧИК УВЕРОВАЛ В ЕГО СЛОВА? Но не стал разуверять деда Момун своего внука, да теперь это было бы И СЛИШКОМ ПОЗДНО». (Разрядка моя. – З.П.). Здесь жизнь выходит за пределы сказки. Предсказание Рябой Хромой Старухи сбывается как в пределах сказки, так и в жизни: сначала люди убивают маралов, потом друг друга, детей своих детей! Убийцами становятся не только те, кто стрелял, но и те, кто убивал словом. На смену сказочному конфликту приходит реальный: конфликт между людьми духовно близкими, родными. Поэтому он и достигает трагической силы. Стреляя в мать-олениху, сам того не подозревая, дед «попадает» во внука! Здесь сюжет повести уже развивается по законам трагедии: в ней нет развития характеров, а присутствует диалектика трагического действия, когда в предельно острой ситуации, характеры героев раскрываются полностью. Душа Момуна пробуждается на миг, когда он стреляет в свою святыню – Рогатую мать-олениху, чтобы осознать содеянное. Стараясь оправдаться перед Озоркулом, старик разрушил все, что было дорого ему: веру в братство людей, доброту, порядочность. Больше того, он убил эту веру в чистой, незапятнанной душе внука. « ... сраженный горем и позором, старик лежал, как убитый, лицом вниз, не отзываясь на голос мальчика. Мальчик присел возле деда, пытаясь расшевелить его.

- Ата, ну подними голову, - просил он. Мальчик был бледен, движения его были слабы, руки и губы дрожали. – Ата, это я. Ты слышишь? – говорил он. – Мне очень плохо, - заплакал он.

- У меня голова болит, очень болит.

Старик застонал, шевельнулся, но не смог прийти в себя.

- Ата, а Кулубек приедет? – спросил вдруг мальчик сквозь слезы. – Скажи. Кулубек приедет? – тормошил он его.

Он заставил деда перевалиться на бок, и вздрогнул, когда к нему повернулось лицо пьяного старика, запятнанное грязью и пылью, с жалкой

свалявшейся бороденкой, и почудилось мальчику в ту минуту голова белой маралицы, изрубленной давеча топором Орозкула. Мальчик отпрянул в страхе и, отступая от деда, проговорил:

- Я сделаюсь рыбой. Ты слышишь, ата, я уплыву. А когда приедет Кулубек, скажи ему, что я сделался рыбой.

Старик ничего не отвечал.

Мальчик побрел дальше. Спустился к реке. И ступил прямо в воду ...». Он уплыл навстречу белому пароходу, поверив в возможность своего превращения в рыбу (ведь сказка о Рогатой матери-оленихе - правда). Кулубека не было рядом, оставался один отец, живущий в ином мире. В мир света и неба устремился Мальчик, сумев вырваться из заколдованного круга, отвергнув то, с чем не мирилась его детская душа. Такова плата за поруганное и растоптанное, такова цена великой обиды, родившей великую трагедию. Выходит права была Рябая Хромая Старуха, когда говорила: «Прими же в воды свои две маленькие песчинки – двух детей человеческих. Нет им места на земле ... Возьми их, унеси их. Пусть покинут они нащ постылый мир в младенчестве, с чистыми душами, с совестью детской, незапятнанной злыми умыслами и злыми делами, чтобы не знать им людского страдания и самим не причинять муки другим... Хотя и не по своей воле совершу я это дело, но для вашего блага».

Такое совмещение сказки и трагедии стало возможно еще и потому, что в «Белом пароходе» наблюдается романтизация жанра повести. Автор отказывается от единого субъекта речи: о жизни Мальчика на кордоне повествование ведется от первого лица. Этот авторский прием позволяет обогатить содержание повести, сделать его более сложным и емким. Мир Мальчика, чистый и незапятнанный, соотносится с миром реальным по принципу контраста: как должно быть и как есть на самом деле. Благодаря этому сохраняется присущая повести сосредоточенность на анализе одного ведущего жизненного противоречия, но противоборствующие полюса получают на этот раз равноправное освещение. И тем самым конфликт становится полнее, драматичнее, глубже.

ЛИТЕРАТУРА

1. Левченко В. Чингиз Айтматов. –М., 1983. –С.84-85.
2. Коркин В. Человеку о человеке. Заметки о творчестве Ч.Айтматова. –Фрунзе, 1974. –С.95.
3. Минокин М. Современная советская повесть о колхозной деревне. –М., 1977; Асаналиев К. Движение во времени. –Фрунзе, 1978; Панков А. Вечное и злободневное. – М., Гачев Г. Чингиз Айтматов и мировая литература. –Фрунзе, 1982.
4. Айтматов Чингиз. В соавторстве с землей и водой ... Очерки, статьи, беседы, интервью. –Фрунзе, 1978. –С.328.
5. Выдержки из повести приводятся (без сносок) по изданию: Айтматов Чингиз. Избранное. –Фрунзе, 1983.